

ОГЛАВЛЕНИЕ

Брата нашли в капусте	7
Бани	14
Доктора, горчичники, банки	20
Про дружбу народов	28
Дружба народов?	29
Физическое развитие и развитие умственное	39
Моритури те салютат!	40
Между битлами и Пьером де Кубертенем	50
Виниловый рай у Инженерного замка	61
Ленинградский общепит	71
Город, река и пыточный зал	82
Ленинградские драки	93
Кафе «Сайгон»	103
Хиппари	113
Бутылка Довлатова	122
«Красные бригады» по-ленинградски	135
Книжники	145
Метание малого полена и ленинградские каратисты	158

Тулупы для поляков и Карлос Сантана на Дворцовой	171
Черный Ленин с зеленой головой	184
Сделать литературную карьеру	195
Обезьяна меру знает	208
Ринго Старр на улице Маяковского	220
Брежнев еще жив	230
Ленинградский рок-клуб	240
Дом писателей графа Шереметева	250
Андрей Тропилло-Торопила	261
Делать карьеру в Москве!	272
Дело Кинчева и административный арест	284
Большие советские деньги, «Скорпионы» и Юрий Шевчук	295
Сарай и город Бари	305
Сарай	307
Кайф	319
Про Космического Прыгуна, про ленинградские рестораны	324
Маленькая Земля	341
Эпилог. Исчезающий город	347

БРАТА НАШЛИ В КАПУСТЕ

Родился я еще при Сталине...
Не так много осталось в памяти.

Мог бы и не дожить до эпохи Интернета. Это если б умер, объевшись ватрушкой...

Тогда еще жили традиционными семьями, как сейчас на Кавказе. Все знали, кто кому кем является, и постоянно ездили друг к другу в гости. Наш клан Рекшанов, Бельцовых, Кильвейнов регулярно собирался у деда Северина и бабки Ирины, бабы Иры, на Большом проспекте Петроградской стороны. Они жили в коммунальной квартире на углу с улицей Олега Кошевого. Дед Кильвейн, потомок голландского мастера, приглашенного еще царем Петром, был веселый. Его ранило в 1916-м немецкой шрапнелью, а летом 1941-го пробил еще и двумя гитлеровскими осколками. Но Северин выжил — оставалось только радоваться! С бабой Ирой они постоянно украшали комнату, исходя из скудных возможностей пятидесятих годов прошлого столетия, — покупали рулоны обоев, наклеивали на стены и радовались обновлению. Баба Ира еще мастерски готовила пироги. Этими пирогами оказывалась заставлена вся комната. Родня съезжалась пробовать. Тогда мне отрезали здоровенный кусок ватрушки. Вкус фантастический! Я ел эту ватрушку

и ел. Я затем почувствовал, что начинаю умирать от того, что таинственно называлось заворотом кишок...

Но и я выжил и теперь вспоминаю, как брата нашли в капусте. Теперь об этом смешно вспоминать, но мне именно так говорили. Я представлял овощной магазин и продавца в клеенчатом фартуке. Тот вынимает розового, пищащего уродца из шелушащейся кучи и говорит родителям:

— Ваш мальчик? Вы его потеряли, а я нашел.

Так мне тогда казалось. А в том же году Хрущеву казалось, что XX съезд партии все решит. Много воды и вождей утекло.

Первые одиннадцать лет своей жизни я прожил на улице Салтыкова-Щедрина, которую в обиденной речи

продолжали называть Кирочной улицей. Когда-то здесь построили лютеранскую кирху. Затем в ней работал кинотеатр «Спартак». По выходным родители давали мне десять копеек,

Мог бы и не дожить до эпохи
Интернета. Это если б умер,
объевшись ватрушкой...

и с кем-нибудь из приятелей я оправлялся на детский утренник смотреть кино. С двух сторон к кирхе примыкали здания бывших гимназий. Там располагались советские школы. В одной из них, в 203-й школе, я проучился четыре года. Недавно узнал, что в эту школу за десять лет до меня поступил поэт Бродский.

Но до школы еще предстояло вырасти. Мы жили в большой продолговатой комнате: родители, бабушка Альбина-Изабелла Кришьявна, в юности латышская революционерка, я и появившийся из капусты брат Саша.

Вот еще сцена. Я в комнате один. Рисую. Я любил возиться с цветными карандашами. Пароходам в «Советской энциклопедии» я пририсовывал оранжевый дым, а Сталина, помню, украсил синей бородой.

Еще прекрасно помню, как первый раз влюбился... Лет пять или шесть мне было, не больше. Я ходил в детский сад на набережной Кутузова. В доме, где находилось дошкольное учреждение, когда-то жил Пушкин, а теперь там ЗАГС. То есть детей стало меньше, но зато женятся и разводятся чаще... Мы ходили гулять в Летний сад и там собирали желуди. Навсегда впечатался в память солнечный осенний день, красно-золотые листья дубов и кленов. Первая любовь моя оказалась неразделенной. Поэтому я до сих пор отношусь к женщинам с подозрением.

Климатическая деталь. Зимы стояли морозные. По замерзшей Неве народ ходил, срезая путь. Вот отец доводит меня до поворота с Литейного проспекта на Кутузовскую набережную. Я топаю в детский сад самостоятельно, а он спускается с набережной на лед, спешит на работу.

А вот еще сюжет. В раннем детсадовском возрасте я первый раз отбилась от рук. Латышская бабушка взяла меня с собой, и мы пошли на улицу Пестеля, где в большом дворе продавали молоко. Бабушка встала в очередь, а я вернулся на улицу и двинулся к Литейному проспекту. Кажется, весна была или начало осени, но не лето. По безоблачному небу катилось солнце. Было радостно. Радостно я увидел на перекрестке милиционера в сверкающих сапогах и направился к нему, не боясь машин. Да и машины-то почти не ездили — изредка проезжали грузовички. Милиционер размахивал полосатой палочкой, регулируя движение. Следующий фрагмент стерся в памяти. Я сам для себя возникаю идущим мимо церкви. Только годы спустя я узнал, что это Спасо-Преображенский собор. Милиционер держит меня за руку, несколько испуганно переспрашивает адрес, а я гордо отвечаю: «Кирочная улица, дом двенадцать, квартира семь».

Через пару недель мы снова пошли с бабушкой за молоком. И я снова свалил. Теперь проходящая женщина вела меня к дому. Как-то меня наказали, но как — не помню.

До сих пор мне хочется убежать. Убежать и вернуться.

И еще существенная деталь. Центральное отопление еще не внедрили, в каждой комнате коммуналок имелась печь. Приходилось запасаться дровами. Дворы старых доходных дворов заполняли ряды поленниц, хранились они и в подвалах.

— Пора идти за дровами, — говорит отец, и мы начинаем собираться: топорик, веревка, фонарь.

Мы спускаемся на Кирочную улицу и поворачиваем во двор. После замерзшей улицы в подвале кажется тепло, и пахнет сырыми опилками. Отец находит нашу поленницу и светит фонариком. Отец же связывает дрова и с трудом забрасывает вязанку за спину. У него радикулит: он повредил спину на флоте. В восемнадцать его призвали на флот. Тогда же и война началась. Воевал он на Северном флоте, затем на Дальнем Востоке воевал с Японией. А мама пережила блокаду. А ее мама, моя бабушка, умерла от голода.

Всю жизнь я ем, а от еды в памяти почти ничего не осталось. Вот, вспомнил бабушкину ватрушку. И еще вспоминаю, как отец делает бутерброды и режет их на маленькие кусочки.

— Это солдаты, — говорит он.

Почему-то солдат я ем с большим успехом...

Не помню, чтобы людей силой гнали на демонстрации по общенародным праздникам. Я с отцом ходил в колоннах неоднократно.

— Пам-па-пам! Пам-па-па!

Впереди жарко наяривает оркестр. На мне школьная фуражка, и я иду счастливый рядом с отцом и его дру-

зьями под красным флагом. В моих руках портрет Во-рошилова. Много людей вокруг — всем тепло и весело, несмотря на ноябрьский ветер. Неподдалеку от Дворцового моста отец покупает мне желтый шарик. Мне очень хочется, чтобы шарик оказался водородным. Когда колонна выходит на мост, ветер налетает с утроенной силой, но люди в ответ начинают петь:

— Вихри враждебные веют над нами...

Я подпеваю, не понимая смысла. Ветер вырывает шарики у детей, и почти все шарики,

хотя и не сразу, падают в черную воду. Только несколько вздымают вверх. Это водородные шарики. Смотав нитку с пальца, отпускаю свой, и он, подхваченный стихией, устремляется в небо, а после оказывается в Неве. Так у меня водородного шарика и не было, а теперь и не будет. Взрослые же за праздничным столом после демонстрации тревожно говорили про водородные бомбы.

...И еще я старательно собираю марки и жду, когда объявят коммунизм. Тогда я пойду на угол Невского и Литейного — там специализированный магазин «Филателист» — и наберу кучу китайских марок задаром. Я жду, жду, жду и перестая ждать. Теперь марок у меня нет, потому что коммунизм так и не объявили.

Радио в нашей комнате работало всегда. Что-то я понимал, что-то запоминал, заполняя пустоты детской памяти. Точно воссоздаю картину: я в комнате один, в динамике строгий мужской голос всякую фразу заканчивает так: «И примкнувший к ним Шипилов!» Это для меня вовсе не анекдот. Перед глазами явственно воз-

Еще я старательно собираю марки и жду, когда объявят коммунизм. Тогда я пойду на угол Невского и Литейного — там специализированный магазин «Филателист» — и наберу кучу китайских марок задаром.

никает наша вытянутая комната с высоким потолком, изразцовая печь в углу, узкий шкаф, отделявший родительскую кровать от бабушкиной. Кажется, что через десятилетия слышится скрип паркета в коридоре, сырой запах борща на коммунальной кухне. Целый пейзаж, а точнее натюрморт. Много хороших, теперь навсегда умерших вещей и «примкнувший к ним Шпилов».

Чуть позже появился у нас телевизор с маленьким экраном и большой линзой, которая этот экран увеличивала. Мой дедушка Северин Андреевич придумал приклеивать к линзе цветные прозрачные пленки — телевизор сразу становился цветным.

Меня любили кондуктора автобусов, а в трамваях относились безразлично. Когда я ехал к бабушке с бабушкой на Большой проспект, то брал с собой кляссер с марками и, сев в автобус, показывал новые приобретения кондуктору. За проезд с меня денег не брали... Сколько мне было лет в тот вечер? Лет семь. Не больше. Почему я сел на трамвай? Не знаю... Холодный зимний вечер быстро потушил свет. Скоро я стал понимать, что трамвай катит не туда.

Что-то стремительное и яркое случилось вокруг. Народ перебежал с места на место и все кричали: «Гагарин! Гагарин!».

Вместо того чтобы свернуть от Финляндского вокзала на Петроградскую, он погнал в сторону Политехнического института. По тем временам глухая окраина. Я вышел на кольцо и побрел вдоль рельс обратно в город, стесняясь сесть в трамвай — денег мне дали на билет в один конец. Стеснительность всю жизнь меня подводит. Шел я долго, превращаясь по пути в лед. И все-таки добрался. Родня билась в истерике, когда я появился в квартире на Большом проспекте. Родня перестала биться, стала плакать

и смеяться. Вот сейчас поставлю точку и засмеюсь, а затем заплачу.

Дед Северин учил играть меня в шахматы. Иногда после общего застолья начинали играть в лото на деньги. Ставили по копеечке. Случалось, родня оставалась на ночь. И мы укладывались на всякие матрацы — человек десять в одной комнате.

12 апреля 1961 года. Звонкий и солнечный день. Я играл в фантики возле кинотеатра «Спартак». Что-то стремительное и яркое случилось вокруг. Народ перебегал с места на место и все кричали: «Гагарин! Гагарин!» Мои представления о космосе связаны с детством, и я не верю в то, что он ледяной и безвоздушный.

БАНИ

С овсем забыл я про советские бани, когда посещение оных являлось не частью телесных утех, а санитарно-гигиенической необходимостью. До переезда нашей семьи в прекрасные «хрущобы» на улице Замшина бане посвящались практически каждая суббота или воскресенье. Речь тут идет о второй половине пятидесятих годов прошлого столетия.

Я не пишу научного исследования, а просто вспоминаю так, как это отложилось в памяти. Потребитель этих текстов вправе что-то опровергнуть или добавить.

Помню такое — сперва выходным считалось только воскресенье. Когда и суббота стала нерабочим днем, все громко радовались, утверждая, будто бы страна на всех парах движется к коммунизму.

А теперь про пар. Лучшее банное время — раннее утро. Мы жили на Кировной улице, и ближайшая к нам баня находилась на улице Некрасова. Открывалась она чуть ли не в восемь утра. Ближе к вечеру пар становился уже не тот. Но после трудовой недели вставать слишком рано отцу не хотелось, и мы шли днем. Мама собирала нам чемоданчик, укладывая в него мыло, мочалку, вафельные полотенца, расческу, чистые трусы и майки. Сама баня делилась на мужское и женское отделения. Если с нами шла и мама, то мы после процедуры ждали внизу друг друга, поскольку очереди в парные и помывочные слу-

чались разные, иногда и запредельные. Они вились по лестнице. Но никто не пытался проникнуть без очереди. Попасть в раздевалку можно было лишь в том случае, когда освобождались «раздевальные» места. Даже и не знаю, каким словом их назвать — это такое сиденье со спинкой выше головы. Предполагались крючки для одежды и зеркала. Пальто, шубы и ценные вещи сдавались в гардероб, где взамен выдавали металлический номерок на веревочке — его надевали на руку. За вещами, вообще-то, стоило присматривать — могли и украсть. Хотя в силу бедности населения и воровать-то было нечего. Но воровали.

Почти каждый гардеробщик продавал веники, но многие заготавливали свои. Хорошего веника хватало на пару бань.

По идее количество мест в раздевалке должно соответствовать местам в помывочной. Но иногда на всех не хватало, и тогда приходилось ждать. Случалось, в помывочной не оказывалось двух мест рядом, и мы с отцом занимали скамейки в стороне друг от друга. В крайнем случае приходилось пользоваться одним местом. Это оказывалось очень неудобно. Банная эстетика подразумевала наличие двух шаяк у каждого посетителя — с холодной и горячей водой. Холодной обливались, выходя из парилки. Горячую использовали для мытья тела. Имелись шайки и для отпаривания ступней. Они были не круглые, как стандартные шайки, а продолговатые. И с поясняющей надписью: «для ног». Особой популярностью они не пользовались. Отмачивать мозоли в них считалось не комильфо.

Сиденья в помывочной — это каменные параллелепипеды на металлическом каркасе. Перед тем как рас-

Сперва выходным считалось только воскресенье. Когда и суббота стала нерабочим днем, все громко радовались, утверждая, будто бы страна на всех парах движется к коммунизму.